

Пётр Николаевич Краснов

Доблестью побеждаю!..

[Отрывок из исторической повести "Всё проходит"]

...По площади, разгоняя толпу, проехали два конных жильца. И сейчас же вдали раздались мерный, рассыпчатый треск литавров и трубные звуки.

Костя повернулся им навстречу.

Народные толпы расступились широкою улицей и, сколько глаз хватал, до ворот Китай-города видна была сплошная волна входившей в город конницы. Яркими блесками сверкали обнажённые сабли и бердыши, вспыхивали пламенем копья и наконечники стрел, порой над ними взмётывались золотыми огнями поднятые трубы и тогда гремели призывом их медные голоса.

Как-то сразу надвинулась на Костю и Павла Рябинина красно-белая стена трубачей.

Маленькие серые лошади, чищенные и холёные, по восемь в ряд, вступили на улицу. На расшитых алым сукном сёдлах, в алых с жёлтыми тесьмами и кисточками кафтанах и в круглых, подбитых ватой и отороченных мехом белых шапках, сидели литаврщики. По сторонам седла, подле передней луки были прикреплены ремнями небольшие полушария медных литавр, обтянутых кожей. Перед этими восемью ехал на рослой белой лошади старый литаврщик с большим барабаном. Его кафтан расшит был золотым позументом. Седая борода ниспадала на грудь, и строго смотрели чёрные глаза из-под нависших бровей. За первым рядом литаврщиков ехало восемь трубачей с длинными медными трубами, обвитыми жёлтыми тесьмянными лентами.

-- Бом... бом... -- ударял старый литаврщик в тяжёлый барабан... И сразу трещали малые литавры, рассыпались трелями. Ярко вспыхивали разом поднятые вверх трубы, надувались румяные щёки молодцов-трубачей, и короткий весёлый перелив резких трубных звуков взлетал к небу. И сейчас же опускались трубы, упирались раструбом в правое бедро, бил глухо большой барабан и ему вторили малые литавры. Была красота и сила во властном призыве труб, и было забвение страшного прошлого в глухом рокоте барабанов, и были радость и счастье богатой и успокоенной жизни в блистании жёлтым расшитых алых кафтанов и белых шапок.

За трубачами, немного отступя, на дивном, сером в яблоках арабском жеребце ехал воевода, начальник полка. Богатое, белого ремня конское оголовье было убрано с восточной роскошью. Между ушей коня стояла серебряная трубка и с неё спускались пёстрые страусовые перья. К переносью, под серебряными цепочками ниспадала из-под чёлки длинная, доходящая до самых храпков, кисть из белых шёлковых, золотых и серебряных нитей. Под шеей висел "науз", такая же кисть из пряженого золота и серебра. Тёмная грива была заправлена в золотую сеть. Вместо поводьев от удил тянулись двумя рядами серебряные цепи, -- "поводные" из небольших колец и "гремя-чая" из дутых в виде колец погремушек. Над коленом были надеты серебряные бляхи, а у копыт тонкими ремнями были подвязаны "остроги" -- серебряные шпоры с бубенчиками. Поверх узды был надет "охват" из белого бархата, расшитого золотом. На нагруднике были нашиты большие золотые бляхи. От кожаного с белым сукном седла к хвосту лошади, накрывая её спину и круп, шёл парчовый "плат", расшитый золотым узором.

Точно понимая всю красоту и ценность наряда, жеребец не шёл, а плясал вслед за трубачами, высоко вскидывая блестящими в мокром снегу копытами, -- передними темно-серыми и задними, где ноги были "в чулках", прозрачно-розовыми. Он далеко откинул хвост, разделанный пером, в один волос, и, раздув до красноты свои нежные, серые ноздри, прядал шёлковыми ушами и выворачивал темную глубину блестящих выпуклых глаз.

На седле, по-старческому красиво, глубоко, как старик, но легко, как юноша, сидел воевода. Он был небольшого роста и, как водится, немного тучен, но тучность его скрадывалась мускулистою крепостью тела и лёгким чеканным зеркалом с разрезом на левом боку и на плечах, застёгнутым свежими, белыми сыромятными ремнями. Оно было без рукавов и из-под блестящих стальных плиток зеркала выходили складками рукава белой рубахи, стянутой у кистей поручниками и жёлтой кожи рукавицами, подбитыми мехом.

Крупные доски зеркала были украшены мелкой чеканной работой и на средней доске был выбит полковой герб: двуглавый орёл с тремя коронами, окруженный лавровым венком. Под зеркалом был надет белый парчовый кафтан, и других доспехов не было на воеводе. На голове воеводы был надет высокий стальной шлем. В этом снаряжении старик казался сильным и красивым. Ноги в сапогах светло-жёлтого сафьяна уходили в глубокие кованного серебра стремяна.

Лицо воеводы всё лучилось улыбкой. Улыбались серые сверлящие глаза из-под кустистых бровей, улыбались щёки, покрытые тонким переплётом мелких морщинок, змеилась улыбка под серебром усов и